

ПАВЕЛ БОЧЕК, БРНО

Митрополит Киприан – защитник Православной Церкви в Восточной Европе в конце XIV – начале XV веков

Ключевые слова: Литва, Русь, Россия, Польша, Вильнюс, Москва, Константинополь, Православная церковь, монастыри, церковная уния, Ольгерд Гедиминович, Киприан митр., Димитрий Донской

В события, происходящие в восточной Европе, Киприан впервые вмешался в период, когда грозило разделение киевской митрополии вся Русь на три части: польско-галицкую, литовскую и московскую. Патриарх Филофей удовлетворил просьбу только польского короля и, опасаясь насильственного перехода в римско-католическую форму христианства, назначил самостоятельного галицкого митрополита. На жалобу литовского великого князя Ольгерда летом и осенью 1371 года Филофей отреагировал попыткой создать невиданную до этого модель, опиравшуюся на уникальный „триумвират“, в который входили киевский митрополит вся Русь, великий князь владимирский (в действительности московский) и великий князь литовский. Триумвират должен был совместными усилиями заботиться о православной церкви и таким образом защищать, кроме прочего, интересы патриарха. Недовольному Ольгерду не удалось заполучить своего митрополита, и в задачи патриарха входило убедить его в том, что Алексей полностью будет выполнять свои обязанности митрополита вся Русь, но для этого необходимые условия должен был подготовить именно Ольгерд. И Ольгерд в этом случае Алексею действительно помог, предпочтя летом 1371 года переговоры, а не конфликт. Несомненно, модель давала интересные шансы, ее успешное внедрение для будущего всей восточной Европы означало совершенно иное направление. Но здесь камнем преткновения становились соображения и цели остальных русских княжеств, среди которых в первую очередь следует назвать тверское, смоленское, рязанское, новгородское и псковское. И не на последнем месте были желания и планы татарские и польские.

По этим причинам Филофей ясно понимал, что выбранная им в отношении Ольгерда позиция является всего лишь временным решением, которое этого целеустремленного Гедиминовича, может быть, и успокоит немного, но ни в коем случае не надолго¹. К этому времени очень серьезно вставал вопрос преемника поч-

¹ F. Tinnfeld, *Byzantinisch-Russische Kirchenpolitik im 14. Jahrhundert*, „Byzantinische Zeitschrift“, 67, 1974, с. 374.

ти семидесятилетнего Алексия². Весьма вероятно, что уже раньше Иоанн Докиан доставил великому князю ответ патриарха и обещание продолжить переговоры о митрополите. На переговоры в Вильно приехал не профессиональный дипломат, какими были Иоанн Докиан или Георгий Пердика, а „муж мудрый, опытный и благочестивый“, „простой“ монах Киприан.

Основной заботой Киприана, бывшего доверенным лицом и человеком, „славящимся добротой и милосердием“, было „помирить князей друг с другом и с митрополитом“. Киприан убеждал Алексия посетить те области своей митрополии, которые „не посещал целых 19 лет“, и начать выполнять свои обязанности и по отношению „остального многочисленного народа, на протяжении многих лет не видящего его попечительства и внимания“³. Несомненно, в задачу этого дипломата входило получение максимума информации, исходя из которой патриарх мог бы принять решение, позволяющее избежать недоразумений и конфликтов, подвергая при этом как можно меньшему риску свою репутацию. Следует также учитывать, что Киприан стремился привести Ольгерда к тесному взаимодействию с византийской экуменией и даже принять крещение.

Киприана ждали разговоры с опытным и с большими претензиями великим князем, хорошо сознающим свою силу, который в 1358 и 1359 годы под предлогом крещения сумел манипулировать сразу несколькими европейскими властителями: с императором римским и королем чешским Карлом IV и папой Иннокентием VI. Русский летописец писал о Ольгерде так:

[...] всеи же братии свое и презвыде властию и саном, поне пива и меду не пияше ни вина ни кваса кисла; великоумство и воздержание приобрте себе, крепку думу от сего и мног промысл притжав и таковым коварством многи страны повоева и земли и многи и грады и княжения поимал за себе и удержа себе власть велику тем и умножися княжения его яко же ни един от братия его створи ни отец его ни дед его тако прослыл⁴.

Во время своего посещения Вильно Киприан подтвердил сопровождавшую его легенду. Ему удалось завоевать такое доверие Ольгерда и Кейстута, что его стали воспринимать как второго Романа⁵, что в немалой мере помогло ему создать условия, необходимые для выполнения основной задачи. Случай полностью проявить дипломатические способности, чтобы добиться желаемого, Киприану представился сразу после приезда. При его содействии, как считает И. Мейендорф⁶, был продлен мировой договор, разрешивший напряженную ситуацию между Москвой и Тверью. Летописец с облегчением констатирует, что „бышет тишина и от

² Дата его рождения точно неизвестна. Предположительно 1292-1305 гг. Наиболее правдоподобной датой считается весна 1304 г.

³ *Памятники Древнерусского канонического права*, [в:] *Русская историческая библиотека*, т. VI, Санкт-Петербург 1880, столб. 200, № 33 (далее: РИБ).

⁴ *Симеоновская летопись*, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. XVIII, Москва 1913, с. 118, (далее: ПСРЛ).

⁵ РИБ, т. VI, столб. 170, № 30.

⁶ И. Мейендорф, *Византия и Московская Русь. Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке*, Paris 1990, с. 239.

оузъ разрешеніе христіаном и радостію върадовалися, а врази ихъ облекошася въ студи⁷. Киприан в роли всего лишь апокрисиарха продолжит дело Петра, Феоноста и Алексия и примет участие в установлении „великой тишины“, то есть в качестве церковного представителя всеми доступными средствами постарается добиться стабилизации отношений между русскими князьями.

Весной 1374 года в Твери он встретился с Алексием, приехавшим сюда на поставление нового епископа⁸. Бесспорно, что пребывание Киприана в Твери было связано с его задачей способствовать умиротворению отношений между местными князьями и Алексием. Однако остается неясным, участвовал ли Киприан в хиротонии нового епископа, а также почему с Алексием встретился именно в Твери. Поэтому нельзя утверждать, что он в это время подробно знакомится с русской средой и ищет пути решения ее проблем.

Первое посещение Киприаном Руси в основном касалось встречи с Сергием Радонежским и Федором Симоновским. Источники не дают ясного ответа, когда, где и при каких обстоятельствах состоялась их встреча. Несомненно одно: такая встреча нужна была и Киприану, и влиятельным и уважаемым игуменам, потому что давала возможность заняться отношениями в русской церкви и путями их исправления, реформой русских монастырей и очень важным вопросом – о преемнике Алексия. В Россию, без всякого сомнения, Киприан приезжал очень хорошо осведомленным, ему было известно, что именно игумены смогут помочь в решении острых проблем, из-за которых ему пришлось отправиться сюда, и в создании сильной позиции на будущее. Для апокрисиарха, прибывшего на Русь в роли кандидата на митрополичью кафедру⁹, было очень полезно узнать, как они оценивают ситуацию и можно ли на них положиться, как на единомышленников и соратников в достижении его целей. В источниках мы не найдем документов о контакте Киприана с московским великокняжеским двором, но последующие события подтверждают, что его партнерами во владимирском великокняжестве были церковные иерархи.

Ключевое значение для решения и сиюминутных проблем и для дальнейшей судьбы Киприана имеют его отношения с Алексием. Совместный путь в два значительных города свидетельствует о хороших отношениях между ними, об общих интересах стабилизировать ситуацию внутри церкви и отношения между князьями во всей Восточной Европе. Многозначительным свидетельством тому является просьба канонизировать трех литовских мучеников, предложенная ими константинопольскому патриарху¹⁰, ставшая результатом договоренности между Ольгердом, Киприаном и Алексием, поэтому она не упоминается в документах царьградских патриархов.

⁷ *Рогожский летописец*, [в:] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, Москва 1965, столб. 105.

⁸ Там же, столб. 105.

⁹ Б. А. Успенский, *Царь и патриарх: харизма власти в России*, Москва 1998, с. 381.

¹⁰ П. Бочек, „Как пришельцы нам особо дороги и желанны“. *Мирское и небесное воинство*, [в:] *Воинство земное – Воинство небесное*: Материалы XVIII Всероссийской научной конференции, памяти Святителя Макария, Макариевские чтения, вып. XVIII, Можайск 2011, с. 69-75.

Алексий при помощи Киприана, игравшего в этом случае роль многостороннего посредника, проявлял желание возобновить свое пастырское попечение в Литве, куда входила и канонизация новых святых.

Согласившись с канонизацией, Ольгерд признал свою ответственность за события 1347 года и одновременно проявил интерес к решению религиозных и церковных отношений в Литве. Канонизация Антония, Иоанна и Евстафия превращала Вильно в православный город и повышала его авторитет на всем восточно-европейском пространстве. Ольгерда процесс канонизации втягивал в православный мир и укреплял его шансы повлиять на происходящее в этом мире, актуализировал вопрос христианизации Литвы и давал надежду, что ее представители склоняются к принятию православной формы христианства.

Посредническую роль Киприана подтверждают и официальные документы, представленные патриархами Нилом и Антонием. Согласно документа Нила, в 1380 году Киприан убедил Алексея остаться дома, пообещав, что будет действовать в его пользу. При содействии литовских князей был подготовлен документ, требующий его поставления митрополитом с явной угрозой в противном случае перейти в латинскую веру¹¹. Письменные документы Антония от 1389 года свидетельствуют, что литовские князья без промедления отправили своих послов к митрополиту Алексею и пообещали почитать его как своего и проявлять к нему надлежащие уважение, послушание, любовь и готовность принять его, если решится приехать к ним. Но Алексей отказался и улаживать ситуацию снова пришлось Киприану¹². В первом случае героем оказывался Алексей, а злыднем Киприан, во втором – наоборот. Тенденциозность отражения событий, представляемая патриархами, в первую очередь подтверждает сложность оценки ситуации. Однако царьградская противоречивая интерпретация событий при этом показывает, что „режиссером“ разрешения ситуации был Киприан, который очень хорошо понял её суть и сумел найти выход, удовлетворявший в данный момент патриархов, Ольгерда, Алексея и лично Киприана, что давало надежду сохранить единство митрополии.

Киприан во время своего первого посещения Руси показал себя как внимательный наблюдатель, ловкий и весьма опытный дипломат и талантливый политический стратег. Он сумел наладить достаточно крепкие контакты и проявил личное обаяние, чтобы в будущем вернуться в Вильно и в Москву в сане русского митрополита и осуществить таким образом самую сокровенную цель своей миссии. В Царьграде после опыта с Алексием и Романом решили воспользоваться представившимся случаем, чтобы тщательно выбранный преемник Алексея имел возможность не только зондировать почву¹³, но и приобрести контакты и авторитет.

Следующее посещение Киприана, его продолжительность и форма отъезда остались совершенно вне поля зрения летописцев и официальных документов царьградского патриархата. Неизвестно, отправился ли он обратно еще до

¹¹ РИБ, т. VI, *Приложения*, столб. 172, № 30.

¹² Там же, *Приложения*, столб. 200-204, № 33.

¹³ Н. С. Борисов, *Русская церковь в политической борьбе XIV-XV веков*, Москва 1986, с. 107.

большого съезда русских князей и бояр на рубеже 1374 и 1375 годов, который состоялся в Переславле по случаю крещения третьего сына Дмитрия Юрия, родившегося 26 ноября 1374 года. Съезд традиционно считается началом „размирья с Мамаем”, так как на нем было принято решение отказаться платить дань и начать против него бой¹⁴.

2 декабря 1375 года Филофей поставил своего сподвижника Киприана митрополитом киевским, литовским и русским¹⁵. К этому важному шагу подтолкнули события начала семидесятых годов и сведения, привезенные Киприаном из своих поездок. Русские летописи о возвышении Киприана упоминают весьма лаконично и говорят только, что 9 июня 1376 года прибыл „Киприан, поставленный из Царьграда в Киев”. Согласно решения собора в июне 1380 года вместе с Киприаном в Россию из Царьграда отправились церковные сановники, которые были уполномочены „произвести дознание о жизни Алексея, выслушать, что будут говорить против него обвинители и свидетели и донести священному собору письменно обо всем, что откроется”¹⁶. Летописец называет их имена – протодьяконы Иоанн Докиан и Георгий Пердика – и сообщает, что послал их патриарх Филофей. По словам летописца, в Москву они прибыли предположительно в марте 1376 года¹⁷. Истинное задание, порученное протодьяконам на Руси, однозначно определить невозможно, потому что решение священного собора тенденциозно и некоторые содержащиеся в нем сведения особого доверия не вызывают. Намного более вероятно, что посланники патриарха ехали в Москву, чтобы объяснить обстоятельства поставления Киприана митрополитом, чтобы проверить реакцию Дмитрия Ивановича и получить таким образом возможность предусматривать и влиять на дальнейшие события.

Поставление Киприана совершенно определенно было проявлением поиска выхода из сложной ситуации. Успокаивало недовольного литовского великого князя, у которого не оставалось причин не только к жалобам, но и к нарушению „тишины”. Хорошие отношения с Киприаном для него были гарантией важных перспектив и в будущем. Патриарх в акте избрания прямо указывал, что Киприан после смерти Алексея возьмет в свои руки всю русскую митрополию, поэтому ему и присваивается титул „Киевский”¹⁸.

Таким образом, патриарх давал понять, что поставление второго митрополита не предполагается, так как и его удовлетворяла „тишина”, воцарившаяся, по его мнению, прежде всего благодаря усилиям Алексея, Киприана, а также Докиана. Патриарх верил, что так предупредит не только возможность нарушения 14-го апостольского правила, запрещающего перемещение епископов с кафедры на кафедру, но и появление конфликтных ситуаций, которым он и его предшественники были

¹⁴ А. А. Горский, *Великое княжение владимирское и русско-ордынские отношения в 1370-е – начале 1380-х гг.*, [в:] *Куликовская битва в истории России*, Москва 2006, с. 9; В. А. Кучкин, *Русские княжества и земли перед Куликовской битвой*, [в:] *Куликовская битва*, Москва 1980, с. 97.

¹⁵ РИБ, т. VI, *Приложения*, столб. 172, № 30; столб. 204, № 33.

¹⁶ Там же, *Приложения*, столб. 172, № 30.

¹⁷ ПСРЛ, т. XV, столб. 116.

¹⁸ Б. А. Успенский, цит. соч., с. 389.

вынуждены противостоять с начала XIV века. Хрупкая „тишина“ нужна была прежде всего церковным иерархам, давая им возможность укреплять собственные позиции и по отношению к мирской власти играть роль независимого партнера.

Действия, которые Филофей, желая сохранить „тишину“, предпринял, обнаруживают его стремление сохранить шанс на окончательное присоединение „поклонников огня“ к своей экумении, оставаясь при этом уверенным, что сумеет справиться с московским великим князем, потому что последний не может угрожать принятием другого „закона“. Восхождение Киприана на кафедру киевского и литовского митрополита вместе с другими обстоятельствами заставило Дмитрия Ивановича искать Алексиева преемника в своей среде.

Успешный великий князь никак не мог смириться с тем, что в соперничестве за митрополита мог бы хоть и временно проиграть. При этом его совершенно не терзала мысль о необходимости позаботиться о спасении душ подданных великого князя Ольгерда¹⁹. Его омрачало то, что в Царьграде предпочли Ольгерда, а ему оставили только возможность приспособиться. Не давало ему покоя, что Киприан уже зимой 1376 года отправил своих послов в Новгород с сообщением о назначении его патриаршим актом митрополитом „на всю русскую землю“. Однако новгородцы на „патриаршие грамоты“ ответили типичным для них способом. Так же, как в 1375 году, сохранили верность Дмитрию Ивановичу и потребовали от Киприана отправить своих служителей к великому князю, и только в случае, если их примет и признает его митрополитом всея Руси, тогда „и нам еси митрополит“. Новгородский летописец еще замечает, что Киприан, получив такой ответ, „не сла на Москву к князю великому“²⁰. Киприан в этот момент как минимум должен был понять, что гордый и по праву самоуверенный великий князь не подчинится действиям, на которые сам не сможет повлиять и в которых ему не найдется подобающей роли.

Последующее Дмитриево прокламативное осуждение: „патриарха литвином назвали, царя тако же и всечестный сбор вселенский“²¹, форму которого сохранил сам Киприан, позволяет предположить, что Киприан в этот момент скорее всего неумышленно способствовал росту самоуверенности великого князя. На практике реакция Дмитрия проявилась в ускорении духовной карьеры „простого“ коломенского священника Митяя. Последний ради „полного духовного совершенства“ по решению Дмитрия стал „отцом духовным князю великому и всем боярам наистаршим, но и печатником, на себе носившим печать князя великого“²².

Митяй стал одним из многих русских высоких церковных иерархов, быстрый подъем которым обеспечил высший представитель мирской власти, но даже среди этих многих его карьера исключительна. Не будучи монахом, как этого требовали православные каноны, а в должности священника, он стал великокняжеским и боярским духовником. На эту роль его должен был благословить Алексей, внесший

¹⁹ Г. М. Прохоров, *Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы*, Ленинград 1978, с. 49.

²⁰ *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, Москва-Ленинград 1950, с. 374.

²¹ Г. М. Прохоров, цит. соч., *Приложения*, с. 201.

²² ПСРЛ, т. XV, столб. 125.

тем самым свою лепту в столь быстрый рост Митяя. В источниках не сохранилось никаких сведений, в которых бы говорилось, в каком из московских храмов он служил, что, вне всякого сомнения, было чисто формальным.

Удивительна и весьма тесная связь Митяя с мирской властью, так как должность хранителя великокняжеской печати автоматически возводила его во главу великокняжеской „канцелярии“. По словам летописца, пробыл он „в этом звании и на этом служении“ много лет²³. Митяй стал одним из ближайших соратников и непосредственных творцов московской великокняжеской политики. Его промосковская ориентация бесспорна. Трудно однозначно утверждать, что Дмитрий со своими советниками давно имел в виду кандидатуру Митяя на митрополичью кафедру и целенаправленно подготавливал это назначение. В любом случае в своем хранителе печати и духовнике он имел опытного служителя, дипломата и политика, на которого мог опереться во многих ситуациях.

На переломе зимы и весны 1376 года из-за преклонного возраста оставил свой пост архимандрит монастыря Преображения Господня Иван, называемый Непейца, освободив таким образом место настоятеля одного из самых значительных московских монастырей. Летописец не скрывает, что великий князь хотел на это престижное место именно Митяя. Последнего „и акы ноужею приведець бысть въ церковь Святаго Спаса“, затем „отъ Чюда Михиалова призванъ бысть архимандрить именем Елисеи нарицаемый Чететка Митяя въ черньци не токмо въ черньци но и въ архимандриты“²⁴.

Елисей, которого источники упоминают только в связи с Митяем, согласно канонических правил, имел право постричь его в монашество. Однако поставить во главу монастыря, да еще к тому же в должности архимандрита его мог только епископ, а в случае московского монастыря – митрополит – в епархию которого входила Москва. К сожалению, летописи об Алексии и его действиях в период между 1375-1378 годами сообщают очень скупо. Упоминают только его ловкий маневр, помогший избежать конфликта между вече и архиепископом Алексием в Новгороде²⁵. Поэтому невозможно определить его позицию относительно действий Елисея или, точнее, Дмитрия.

Самоуверенные шаги Дмитрия не носили характер несогласия и не были проявлением недоверия, а тем более вражды в отношении Алексия. Князь исходил из традиций, согласно которым ему принадлежали право и обязанность попечительства о монастыре, так как он считал его своим, в данном случае в роли „наследника“. Монастырь Преображения Господня основал Иван Данилович Калита в 1330 году и „привел сюда первого архимандрита Иоанна“²⁶. Специфичность позиции монастыря проявлялась в том, что с самого начала весь жизненный уклад здесь проходил согласно келиотского устава, его не коснулись реформы ни Алексия, ни Сергия, и даже перемещение за московские крепостные стены при владычестве

²³ Там же, столб. 125.

²⁴ Там же, столб. 125-126.

²⁵ Там же, столб. 115-116

²⁶ Там же, столб. 45-46.

Ивана III не привело к изменениям внутреннего распорядка²⁷. Дмитрий со всей последовательностью заботился о „своем“ монастыре и вел себя как достойный наследник деда и отца.

Поэтому летописца удивил не метод, примененный Дмитрием, а сам факт, что „иже до обеда белець сыи, а по обеде архимадрить, иже до обеда белець сыи и мирянинь, а по обеде мнихом начальник и старцемъ стареишина и наставникъ и учитель и вожь и пастухъ“²⁸. Его изумление вызывает моральный аспект действий Дмитрия, не дает покоя вопрос не как, а кого выбрал великий князь на пост настоятеля „своего“ монастыря. Быстрое продвижение Митяя от „бельца и мирянина“ в архимандриты вызвало отрицательную реакцию влиятельных монастырских старцев.

Такая поддержка великокняжеского духовника явно была реакцией на поставление Киприана митрополитом и говорила о том, что московский великий князь решил добиваться „своего“ митрополита и решение ситуации не хотел оставлять на волю случая. Митяй был опытным политиком, хорошо ориентировавшимся в сложных политических отношениях в рамках всей восточной Европы и, несомненно, человеком, проявлявшим достаточную степень лояльности по отношению к своему „духовному сыну“. В связи с грозившим конфликтом с Ольгердом, с царьградским патриархом и Киприаном и, вполне возможно, с русской церковной верхушкой, который мог разгореться в момент смерти престарелого Алексия, Дмитрий, бесспорно, не мог выбрать более подходящего партнера.

В жестокие морозы зимы 1377-1378 годов на возникшую ситуацию попытался влиять и митрополит Алексей. Он вызвал в Москву Сергия Радонежского, чтобы убедить его принять кандидатуру на митрополичью кафедру. Сергей решительно отказался и погрозил, что уйдет в пустыню „безмолвия ради“ и откажется от своей приносящей огромную пользу русскому православию деятельности. Алексей вынужден был отказаться от своего плана и отпустил игумена обратно в монастырь²⁹.

Неоднозначное и слишком общее утверждение, будто бы великие князья желают видеть Сергия митрополитом, свидетельствует, что попытка Алексия в большей степени была его собственной инициативой и поддержки Дмитрия Ивановича не получила. Наоборот, последний продолжал целеустремленно продвигать своего хранителя печати и духовника Митяя и несколько раз обращался к Алексею, чтобы „посвятил Митяя на митрополии“. Вместе с решительным отказом святитель посоветовал обратиться в Царьград и просить „преосвященного патриарха и екуменический собор“ о поставлении Митяя русским митрополитом³⁰. Великому князю ничего не оставалось, как смириться с этим.

Бескомпромиссная позиция Алексия по отношению к Митяю и его попытка сделать Сергия своим преемником, дали великому князю понять, что, принимая решения, ему придется считаться с мнением высших представителей русского

²⁷ *Акты московских монастырей и соборов 1509-1609 гг.* Москва 1998, с. 92-93, 293-296.

²⁸ ПСРЛ, т. XV, столб. 126.

²⁹ Н. С. Борисов, *Сергий Радонежский*, Москва 2003, с. 157.

³⁰ ПСРЛ, т. XV, столб. 124-125.

православия. К таковым относились не только митрополит и епископы, но и действующие в пустынях игумены монастырей-койнобионов, авторитет которых и способность влиять на сознание и события в обществе очень быстро возрастали.

Источники не позволяют составить точную хронологию событий, которые постепенно стали приобретать драматический характер. Правдой остается то, что Алексею пришлось противостоять давлению со стороны великого князя и что план подготовить Сергия на место своего преемника был реакцией на план Дмитрия. Проведение задуманного Дмитрием плана занять митрополичью кафедру означало бы не только разделение митрополии на две части, но и существенное укрепление его личного влияния на церковь. При этом Дмитрий не стремился создать самостоятельную „великорусскую“ митрополию, как обычно оценивают его действия. Свои усилия князь направил главным образом на то, чтобы заполучить „своего“ митрополита, а Москву возвысить на положение главного города русского православия. В напряженной обстановке конца 70-х годов XIV века Дмитрий не мог рисковать и потерпеть унизительное поражение в борьбе за митрополита.

Алексий на склоне жизни и карьеры попал в очень сложную ситуацию. Под угрозой оказалась цель всей его жизни – укрепление митрополичьей позиции и авторитета, причем на русской основе. Своим решительным отказом „посвятить Митя на митрополию“ он дал Дмитрию понять, что не боится его и не будет поддерживать его действия, воспринимаемые им как вредные и опасные для русской церкви и противоречащие каноническим правилам и традициям.

Интенсивное давление Дмитрия и неясная ситуация в Литве после смерти Ольгерда в 1377 году побудили Алексея вскоре демонстративно обратиться к Сергию с призывом взять на себя ответственность за православную церковь в восточной Европе. Этим Алексей говорил Дмитрию, Ягайло, да и Киприану, что ему за четверть века удалось преобразовать церковь в настоящего партнера мирской власти. Алексей, сознавая, что его преемник взойдет на кафедру в условиях конфликта между Дмитрием и Ягайло, напоминал своим современникам: он сам связывает будущее русского православия со своими монахами-реформаторами, способными противостоять самому сильному давлению мирской власти, и ни в коем случае не является великокняжеским человеком и тоже не будет автоматически поддерживать Киприана.

Смерть Алексея, датированная 12 февраля 1378 года, всем, кто ожидал ее, дала возможность обнаружить свои представления, как решить церковные отношения в восточной Европе. Однозначным фаворитом великого князя Ягайло был Киприан, которого, однако, в его усилия стать действительно митрополитом всея Руси особо поддержать не мог, потому что ему самому приходилось много сил уделять борьбе за литовский великокняжеский трон. В Москве, наоборот, Дмитрий Иванович попытался несколько преждевременно взять на себя роль „православного царя“. Призвал архимандрита Митяя поселиться в митрополичьем дворце, надеть белые митру и мантию, ходить с митрополичьим посохом и пользоваться митрополичьей печатью. Летописец оценивает его действия, как своеволие³¹.

³¹ Там же, столб. 129.

Дмитрий энергично дал понять, что так же, как когда-то Ольгерд, не примирится с тем, чтобы управлением церковными делами в его великокняжестве занимался митрополит, посаженный на престол соперником князя в борьбе за гегемонию в восточной Европе. При этом князь хорошо сознавал, что действовать надо быстро, чтобы предупредить попытку Киприана реализовать намерения Филофея с декабря 1375 года.

Ситуацию полностью изменило решение нового патриарха Макария предотвратить Митяю хиротонию. Макарий, сильно отстающий от интеллектуального и личностного уровня своего предшественника Филофея, этим шагом отходил от его политики, стремившейся сохранить единство киевской митрополии, и на некоторое время допустил ее разделение. После кратковременной „тишины“ начался, фактически с царьградского „благословения“, следующий этап „боя за митрополи́та“, в котором главная роль принадлежала великим князьям, а в московской среде – и игуменам.

Переговоры московского великого князя, опиравшегося на согласие патриарха Макария, однозначно свидетельствует о том, что соперничество за митрополита стало выразительной чертой различного развития в восточной Европе, в Литве и в Москве. А также то, что традиционный царьградский подход, рассчитывающий на группу русских князей, которых можно было привести хотя бы к церковному единству, остался в прошлом.

Попытка Киприана прибыть в Москву „к сыну своему, к князю великому“ завершилась его заключением в темницу, ограблением и выдворением из Москвы. Действия Дмитрия Ивановича и его окружения Киприан воспринимает как серьезное нарушение целого ряда канонических правил, как серьезный конфликт между высшими представителями мирской и церковной властей. При этом, несомненно, ему снова пришлось убедиться в том, что митрополит даже в чисто православных землях северо-восточной Руси должен вести себя намного осторожней. Такую же оценку событиям дали Сергей Радонежский и Федор Симоновский. Невзирая на личные симпатии, которые к нему питают, они дали понять Киприану, что не собираются вмешиваться в политику и оставляют за законно поставленным митрополитом и также законно поставленным владимирским великим князем право самим разобраться с решением высших представителей византийской экумени.

Роль Киприана в последующей смуте 80-х годов XIV века неопределенна и трудно поддается оценке. Источники позволяют предположить, что после 1382 года он оставался „митрополитом малой Руси и Литвы“³² и сумел в сложной ситуации эту позицию удержать. Но следует также напомнить, что он своими действиями способствовал „расколу, разделению и смуте“³³ в русской церкви, результатом чего был „целый поток ругательств с добавлением насмешек, обвинений и роптаний“ с русской стороны по адресу „католической церкви и нас всех“³⁴. И всё же его торжественно, с колокольным звоном встретила Москва в третье постное

³² РИБ VI, *Приложения*, столб. 180, № 30.

³³ Тамже, столб. 210, 212, № 33.

³⁴ Тамже, столб. 214, № 33.

воскресенье 1390 года³⁵, что означало окончательное завершение смуты, связанной с рукоположением в митрополичий сан.

В последующие годы Киприан полностью посвятил себя служению, больше ни разу не ездил в Царьград, зато в 1396 и 1397 годы и в 1404 и 1405 годы посетил литовские и галицкие земли. И в том и другом случае оставался там более полтора лет, доказывая, что старается действительно быть митрополитом всея Руси. Эта личность проявила себя как зрелый и опытный церковный представитель, способный ориентироваться в сложных восточно-европейских церковных проблемах и находить и пути их решения.

Киприан продолжил линию своих предшественников в укреплении позиции и расширении влияния киевского митрополита всея Руси, стремился улучшить обстановку в русской церкви и в русском обществе в целом. Он первым из русских митрополитов стал сознавать, что не сможет обойтись без игуменов монастырей, благосклонность которых своими подношениями пытались завоевать и русские князья³⁶. Восьмидесятые годы XIV века показали: без помощи влиятельных игуменов не обойдутся ни великие князья, ни митрополиты. Сергей Радонежский, Федор Симоновский, Дионисий Суздальский, Афанасий Серпуховский участвовали в решении сложных вопросов без митрополита на домашней почве. Поэтому Сергей включился в переговоры князей в 1374 году, поэтому не поддержал Киприана в 1378 году, а также поэтому благословил Дмитрия Ивановича на сражение против татар. События перелома 70-х и 80-х лет XIV века показали роль игуменов рядом с великими князьями. В источниках нет никаких сведений, предпринял ли Дмитрий что-либо против Сергия после побега Дионисия. Напротив, Дионисий, возвратившись через несколько лет из Царьграда, становится общим кандидатом великого князя и игуменов на пост митрополита. Дмитрий, умевший не прощать, как показала его позиция по отношению к Киприану, отправил за хиротонией этого архиепископа, бывшего, судя по всему, его неприятелем.

Киприан в Литве и в Царьграде в 80-е годы многое понял, кроме прочего и то, что не может постоянно надеяться на поддержку московских игуменов. Вопросом остается, не по его ли инициативе приказал Владимир Ольгердович в 1385 году заточить в темницу Дионисия после его возвращения из Царьграда, о чем пишут сегодня некоторые авторы³⁷. Он находится в непростой ситуации, знает, что нужно продолжить дело своих предшественников, особенно Петра, и доказывает это, кроме прочего, составлением его жизнеописания. Знает также, что надо построить и сохранять добрые отношения с московским великим князем и великим князем литовским.

Литва была твердым орешком, где оказалось недостаточно стать посредником в обручении Василия Дмитриевича с Софьей Витольдовной. Было недостаточно укреплять православные влияние и позиции, то есть канонизировать Антония,

³⁵ Никоновская летопись, [в:] ПСРЛ, т. X. Москва 1965, столб. 157-158.

³⁶ Н. С. Борисов, *Русская церковь в политической борьбе XIV-XV веков...*, с. 132.

³⁷ Там же, с. 118.

Иоанна и Евстафия. Киприан понял: после 1385 года положение православной церкви в Литве существенно изменилось. Борьба за митрополита и сохранение единой митрополии переставали быть главной темой. Давление со стороны литовской, но уже и польской мирской власти и быстрое наступление римско-католической церкви ставили митрополита в совершенно новую ситуацию. По собственному опыту святитель хорошо знал, что только на добрые личные отношения с великим князем положиться не может, так как они легко могут стать прямо противоположными. Сознал, что надо искать решение, которое помогло бы защитить православную церковь и веру и позволило бы сохранить ему и его преемникам влияние. Подозревает, что недостаточно только вернуться к требованиям Ольгерда начала 70-х лет XIV века и что в интересах православной церкви надо предложить больше, чем только регулярные посещения пастыря.

Позицию православной церкви, свои положение и влияние Киприан при содействии Владислава Ягайло и, вероятно, Витольда хочет защищать, заключив церковную унию. Источники не позволяют узнать, как Киприан представлял себе церковную унию. Невозможно определенно говорить, хотел ли он создать унию „маленькую“, то есть касавшуюся только восточной Европы, или хотел унию „большую“, охватывавшую римско-католический и православный мир в целом. Прагматически размышляющий митрополит предлагал Ягайло и себе альтернативу, как преодолеть препятствия на пути за господство в восточной Европе, которому заключение польско-литовской унии давало новую форму. Проводник исихастской духовности, монах болгарского происхождения Киприан попробовал обратиться к представителям в Вильно, Царьграде и Кракове, предложив, как решение, альтернативу. Это подтверждает старание Киприана и его смелость решить проблему Литвы и Москвы отдельно и так, чтобы не пострадали православная церковь и вера.

В литературе часто встречается предположение, что Киприан, помимо прочего, старался сохранить авторитет Царьграда в русских землях, и это стремление заставило святителя предупредить царьградского патриарха, что московский великий князь Василий I Дмитриевич не проявляет надлежащего почтения к византийскому императору³⁸. Реакцией на мнимое непочтение Василия к императору является письмо патриарха Антония, датированное 1393 годом, относящееся к самым известным и наиболее часто цитируемым документам, касающимся отношений между византийской империей и русскими землями.

Роль Киприана в этих событиях требует более глубокого рассмотрения. Своим включением в происходящее в 80-е годы он, похоже, пассивно участвовал в дискредитации царьградских иерархов. Отголоски этих событий, видимо, были предметом разговоров между Василием Дмитриевичем и Киприаном после возвращения последнего в Москву в 1490 году. По ходу событий возникали условия,

³⁸ A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów*, Białystok 2003, с. 144 и др.; И. Мейендорф, *Византия и Московская Русь*, с. 302-303 и др.; Н. С. Борисов, *Русская церковь в политической борьбе XIV-XV веков...*, с. 135 и др.; J. Drabina, *Wierzenia, religie, wspólnoty wyznaniowe w średniowiecznej Polsce i na Litwie*, Kraków 1994, с. 109-110.

заставлявшие великого князя думать про себя: „имеем православную церковь, но не имеем православного царя и знать не хотим“. К этому добавился известный конфликт между митрополитом и Новгородом, в решение которого формально включился и патриарх. Бесполезность поступков патриарха только усиливали возмущение им. Помощь, оказанная Киприану Василием Дмитриевичем в конфликте с Новгородом, стала прообразом последующего развития в направлении к русской автокефалии, гарантируемой существованием „нашего православного царя“. Встав против мятежного города, ревниво оберегающего свою самостоятельность и независимость, Василий брал на себя роль защитника православной церкви и ее представителей.

Спор о роли православного царя, подстрекаемый борьбой за митрополита, возникновение польско-литовского союза государств, опасность нашествия Тамерлана способствовали возникновению положения, о котором говорится в письме Антония. „Революционная“ позиция Василия вызывает сравнение со взглядами тверского монаха Акиндина в связи с первым крупным конфликтом по поводу претендента на митрополичью кафедру. Эта позиция вполне определенно подтверждает перемены, произошедшие в течение XIV века в русском политическом мышлении. Киприан очень хорошо сознает, что в сложившейся ситуации ни в коем случае во второй раз „провалиться“ нельзя, поэтому интенсивно занимается русской историей и составляет обширный летописный свод, вместе с великим князем устроит перенесение иконы Владимирской Богородицы. Таким образом продолжает дело предшественников на митрополичьей кафедре, показывает единомыслие с Сергием Радонежским и его благословением Дмитрия Ивановича перед великим сражением с полками Мамай и помогает московскому великому князю начать постепенно сознавать свою ответственность за православный народ. Но одновременно понимает, что в данный момент нет другого пути, как повторно включить имя византийского императора в диптих, потому что общая ситуация в восточной Европе не позволяла выйти из византийской экумени и войти в экумению русскую, или, с географической точки зрения, восточно-европейскую, которую систематически старался создавать.

Киприан своими действиями продолжает преобразование митрополичьей кафедры. Он явно добивается позиции восточно-европейского „экуменического“ митрополита, который был бы действительным и уважаемым партнером великих князей и польского короля, а также царьградского патриарха. Он обдумывает неизбежно возникшие бы в этом случае очень серьезные последствия для всех заинтересованных сторон – Вильно, Москвы и Царьграда. При этом следует учитывать, что по сердцу Киприану в первую очередь выгода для православной церкви. Именно с этой целью он предлагает учредить унию, которая должна была защищать православие в Литве, ставит вопрос существования или несуществования православного царя, что было принципиально в землях возникающей Московии, анализирует положение Новгорода. Киприан старается влиять на отношения в русской церкви, что подтверждает его корреспонденция и славные ответы Афанасию.

Широко образованный, в духе философии исихазма живущий на кафедре киевского митрополита всяя Руси монах Киприан помогает решить весьма серьезную задачу упорядочения отношений в восточной Европе и с Царьградом. Можно смело сказать: при этом он проявляет себя как гениальный провидец и настоящий творец новой идеологии русской церкви, который учит представителей русской церкви, разумеется, на основах своих предшественников, среди которых важнейшее место занимает Сергей Радонежский, самосознанию и в будущем пониманию самих себя.

SUMMARY

Pavel Boček, Brno

Metropolitan Cyprian – the defender of the Orthodox Church in the Eastern Europe at the end of the XIV and beginning of the XV century

Keywords: Lithuania, Russia, Poland, Vilnius, Moscow, Constantinople, Metropolitan Cyprian, Grand Duke Algirdas, Orthodox Church, Monasteries, Church Union, Grand Duke Dimitry Ivanovich

Metropolitan Cyprian, of Bulgarian origin, formed in the spirituality of hesychasm, was sent by the patriarch of Constantinople Philotheus in 1371 to Eastern Europe, still as a simple monk in order to negotiate between grand duke Algirdas, metropolitan of all Russia Alexis and grand duke of Moscow Dimitri. His principal aim was to prevent the Kievan metropolity from being divided into three parts – Polish-Halychian, Lithuanian and Muscovite. He managed to gain the trust of grand duke Algirdas and metropolitan Alexis – preventing the first from conversion into Catholicism and helping the latter in his pastoral duties. As a result he was ordained metropolitan of Kievan Russia and Lithuania in 1375. Due to political issues metropolitan Cyprian was not able to unite under the same jurisdiction equally the Muscovite part of the metropolity. Grand duke Dimitri, claiming his independence from the patriarch of Constantinople, named his own candidate for metropolitan of Moscow which was eventually approved many years later by patriarch of Constantinople Macarius. All his life long metropolitan Cyprian strived to maintain a political and ecclesiastical balance and peace between the rival parties, aiming to create a kind of Church Union in the Eastern Europe though the sources are not clear whether it meant union among the Orthodox in the region or kind of union with Roman Catholics. The hierarch established the role of Kievan metropolitan as a kind of Eastern European “ecumenical” metropolitan that could be effective and respected partner of grand dukes and Polish king as well as of patriarch of Constantinople.